

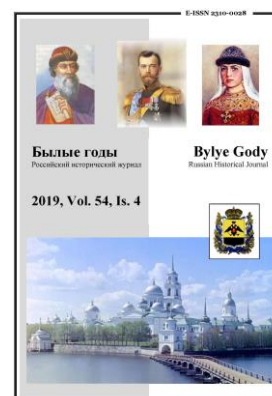
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1656-1669. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1656
Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Last Frontier of the Empire: the Eastern Pamirs in Russian Border Culture

Vladimir A. Shorokhov ^{a,*}, Artyom A. Andreev ^a, Denis G. Yanchenko ^a

^aSt. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

On the basis of archival data from previously unpublished documents and manuscripts of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the Bahmetev Archive of Columbia University in the United States, the article provides a clear description of the role of the Eastern Pamirs in the culture of the frontier and Russia's strategy. The authors characterized the activities of the Pamir detachment, from 1889 to 1917 standing guard over the southeastern borders of the Russian Empire, the memoirs, departmental correspondence, reports of officers of the General Staff in different years who served in a unique unit were analyzed. The documents reveal to the reader the mysterious image of “Roofs of the World”, which was formed at the turn of the century before last and at the end of the era of geographical discoveries and under the influence of Russia's territorial expansion in central Eurasia. The beginning of scientific study of the region coincided in time with the Anglo-Russian-Chinese delimitation in Central Asia – a process that actually stretched over more than twenty years.

The authors paid special attention to the life of Europeans and the local population in the hard conditions of the Eastern Pamirs, an analysis of the relations of the indigenous population with the Russian military, and the peculiarities of the region's perception in the late imperial period. The final section of the article shows how the system of border control and interaction with local people, used before 1917, was modernized in the Soviet period and partially preserved in the post-Soviet space

Keywords: Frontier, Russian Empire, Pamir, Pamir post, subculture, Kyrgyz, Pamir detachment, B.L. Grombchevsky, A.E. Snesev.

1. Введение

Российское присутствие на Памире – одна из излюбленных тем научных работ, публицистических произведений и мемуаров, написанных за полтора столетия с момента появления первых подданных империи в регионе на рубеже 1860–1870 гг. (Постников, 2001: 133-136). Причем первые полвека едва ли не большее (в сравнении с отечественными авторами) внимание освоению этой труднодоступной области нашими военными и учеными уделяли их западные «коллеги», прежде всего британские (Сергеев, 2012: 26-185). Сам статус одного из последних «белых пятен» на карте Евразии, лежавшего к тому же между владениями крупнейших держав, сделал Памир полигоном для испытания своих возможностей и трамплином для карьеры целой плеяды честолюбивых талантливых европейцев, которые охотно освещали свои подвиги в служебных отчетах, репортажах, монографиях и воспоминаниях (Burnes, 1834: 448-473; Gurzon, 1896; Forsyth, 1887; Forsyth, 1872; Shaw, 1871).

В свою очередь, большая часть первичных источников, включая архивные, стала предметом весьма обстоятельных исторических штудий, посвященных в основном так называемой «Большой игре». В свете вышесказанного может показаться несколько самонадеянной попытка найти

* Corresponding author

E-mail addresses: v.shorokhov@spbu.ru (V.A. Shorokhov), a.a.andreev@spbu.ru (A.A. Andreev), d.yanchenko@spbu.ru (D.G. Yanchenko)

неизученные аспекты истории русского Памира. Тем не менее мы уверены, что потенциал указанной темы остается раскрытым далеко не в полной мере.

2. Материалы и методы

Во-первых, историография рассматриваемого круга вопросов, как нам кажется, представляет собой галерею достаточно традиционных по своей методологии исследований. По сути, это истории «деяний» неординарных личностей и их групп и/или процессов, в рамки которых принято помещать синхронные и внешне схожие события («геополитический», «колониальный», «имперский» дискурсы со всеми их вариациями). Представляется, однако, что уникальность Памирского региона позволяет использовать при его изучении элементы феноменологического подхода. В то же время мы предлагаем немного «сгладить» или «приглушить» (там, где это будет возможно) личностный фактор в изучаемом источниковом материале, чтобы выявить представления, действия, переживания, общие для различных персоналий, статусов и исторических моментов.

Во-вторых, при всем многообразии введенных в научный оборот источников целый ряд архивных документов, материалов периодической печати и частных собраний остается вне поля зрения исследователей. Некоторые источники из последней группы были использованы нами при проведении данного исследования (эпистолярный материал из фонда Зайцева Архива ИВР РАН, путевые записки А.Ф. Берладника-Пуковского из коллекции Бахметевского архива Колумбийского университета США).

В-третьих, за фактической историей Памира зачастую оказываются малоисследованными те культурные и социальные явления, которые во многом определяли конкретные события и действия ее участников.

Наконец, прошлое территории, сегодня занимаемой Горно-Бадахшанской автономной областью (ГБАО), по сути, неплохо изучено лишь применительно к периоду ее присоединения и нахождения в составе Российской империи и Советского Союза. В то же время считанное количество работ затрагивает последние пятнадцать лет пребывания российских военных на Памире. А ведь самостоятельную научную ценность и компаративный потенциал свидетельств эпохи «угасания» российского присутствия трудно переоценить. К тому же из рядов советских и российских военнослужащих, побывавших на Памире за последние тридцать лет, вышло немало исследователей и публицистов, внесших свою лепту в изучение истории Горного Бадахшана.

Целью настоящего исследования является раскрытие уникальной роли Восточного Памира в культуре российского пограничья, которая, как мы постараемся показать, была столь необычной, что даже многочисленные политические и социальные трансформации прошлого столетия не смогли нивелировать это своеобразие, сведя его до уровня «местного колорита», столь ординарного в калейдоскопической пестроте жизней кочевников, военных, полевых исследователей.

3. Обсуждение

Памиром сегодня называют четырехугольную горную систему в центре Азии площадью приблизительно 100 тыс. кв. км, которая находится между Гиндукушем, Тянь-Шанем и Каракорумом. Серьезные перепады высот, удаленность от морей, крайне неравномерное распределение осадков делают климат этого географического региона изменчивым и не слишком благоприятным для человеческой деятельности (Гвоздецкий, Михайлов, 1978: 146-166). Пригодные для жизни земледельцев территории (не более 13 % таджикского Бадахшана, а также сопоставимые участки по южной и восточной окраинам горной системы) представляют собой сеть взаимосвязанных узких речных долин, преимущественно относящихся к бассейну Пянджа. При этом разница высот определила существование в рамках этой географической структуры «нескольких климатических поясов с условиями от сухих жарких субтропиков в нижней части бассейна (Пянджа) до почти арктических – в верхней части» (Умаров и др., 2014: 101). Указанные обстоятельства обусловили разницу в экономических возможностях, хозяйственной специализации и культурном развитии локальных сообществ. Наиболее суровыми условиями характеризуется Восточный Памир (первоначально именовавшийся просто «Памиром», или, точнее, «Памирами»; большая часть на территории современного Мургабского района ГБАО), на истории которого и акцентировано настоящее исследование. Эта область, включавшая в себя центр горной системы, занимает большую ее часть (в границах бывшей Российской империи – более 60 % площади) и является на протяжении веков наименее населенной (от 1 055 человек по оценкам начала 1893 г. до 12 700 жителей в 1989 г.) (Иванов, 1885; Кузнецов, 1894: 13; Всесоюзная перепись населения 1989 г.). Климат Мургаба всегда считался крайне суровым. Горные хребты Восточного Памира окружены преимущественно плоскими пустынными равнинами, лежащими на высоте 3200–4000 м. над уровнем моря (Северцов, 1886: 17-20). В высокогорной пустыне, где полярная зима сменяется коротким холодным летом, земледелие невозможно (Иванов, 1885: 132). Поэтому с незапамятных времен Мургаб был населен кочевниками. С XVI в. эстафету приняли памирские киргизы, составляющие основное население региона по сей день. Но даже эти «аборигены» постоянно использовали пастбища в Алайской долине, Кашгарии и на территории будущего «Ваханского коридора», имея зачастую множественное подданство и обширные

трансграничные связи. Важной особенностью Мургаба всегда была прочная транспортная связь с Ферганской долиной, Кашгарией и долиной Инда, превращавшая его в «горный узел всей Высокой Азии» (определение Н.А. Северцова) (Махмудов, 2018: 504). Именно поэтому во второй половине XIX в. высокогорные «сырты» к югу от Алая заинтересовали Россию (Северцов, 1886: 371-372).

Восточный Памир был по большей части нанесен на карту «ферганской» экспедицией Н.А. Северцова (1877–1878 гг.) (Северцов, 1886; Постников, 2001: 146-148), подтвердившей его важнейшее стратегическое значение. В течение 1880-х гг., после экспедиций Д.В. Путяты, Г.Е. Грумм-Гржимайло и Б.Л. Громбчевского, выяснилось, что, заключив «вслепую» соглашения о разделе региона с англичанами (1872–1873) и китайцами (1884), Россия получила стратегически значимые, но экономически убыточные территории, которые к тому же пришлось искусственно отделить от отошедших соперникам земель. Поэтому на протяжении последних трех десятилетий XIX в. постоянно звучали предложения продвинуться в прилегающие к Памиру плодородные долины, способные обеспечить продовольствием хотя бы пару тысяч русских солдат.

Как бы то ни было, в 1895 г. Памир был окончательно разграничен Россией и Великобританией. Большая его часть досталась России (интересующий нас Мургаб и верховья Бартанга) и Бухарскому эмирату (правобережный Бадахшан), левый берег Пянджа и «Ваханский коридор» – подконтрольному британцам Афганистану, а Сарыколь – Империи Цин (Постников, 2001: 296-341; Сергеев, 2012: 186-199).

Существенные перемены произошли по окончании Гражданской войны в России. 2 января 1925 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Горно-Бадахшанской автономной области в составе Таджикской автономной ССР, которая в свою очередь была частью Узбекской ССР (Раджабов, Бободжанов, 1975). Когда в 1929 г. Таджикистан превратился в «полноценную» союзную республику, Памир сохранил статус автономной области, однако его реальная административная самостоятельность была ничтожной (Раджабов, Бободжанов, 1975: 18-19). При этом ключевую роль в жизни региона, как и в имперский период, продолжали играть два фактора – российское присутствие и связь с восточной частью Ферганской долины. Оба они утратили свое значение лишь в середине 2000-х гг.

«Убийственное место»

Восточный Памир представляет собой непригодное для оседлого проживания пространство, к тому же имеющее ограниченную пропускную способность в качестве коммуникационной артерии. До 1890-х гг., несмотря на стратегическое значение региона, претендовавшие на него державы ограничивались временными опорными пунктами или призрачным признанием подданства со стороны местных кочевников. Данные обстоятельства имели вполне определенные последствия для процесса освоения этого края Россией.

Многие описания природных условий Восточного Памира и их воздействия на человека пестрят одним эпитетом – «суровый» (Скерский, 1892: 31-33; Кузнецов, 1894: 7-11, 13-21; Лужецкая, 2008: 157-160; Серебренников, 1900: 34-47; Зайцев, 1903: 45-48, 62-66). Если же попытаться выделить те детали, которые в наибольшей степени угнетали «монашествующую братию памирского ордена» (Зайцев, 1903: 62) (русских военных), то выяснится, что их было четыре. Во-первых, это крайне низкая по меркам региона средняя температура при суточных перепадах до 50 градусов С. Во-вторых, это постоянный недостаток кислорода, не только вызывающий горную болезнь, но и приводящий к постоянному снижению физической силы и выносливости личного состава. В-третьих, крайний недостаток всех ресурсов – от продовольствия и фуража до строительных материалов. Наконец, четвертой проблемой было сочетание однообразного мургабского пейзажа с малонаселенностью данной территории и ее изоляцией от остального Туркестана, создававшее гнетущее ощущение одиночества.

Перечисленные факторы двояким образом влияли на восприятие военными своей службы на «Памирской выси». С одной стороны, это осознание вполне реальной опасности для своих жизни и здоровья, не сопряженной напрямую с боевыми действиями. С другой – испытание «Памирами» воспринималось не только как возможность ускорения движения по карьерной лестнице, но и как проверка физических и моральных кондиций. Тем не менее, судя по источникам личного характера, негативная составляющая в целом перевешивала. Лучшим подтверждением тому служат эмоциональные строки из письма начальника Памирского отряда Н.С. Аносова его предшественнику на этом посту В.Н. Зайцеву, написанные в сентябре 1899 г.: «...Отдыхаю в благорастворении Шугнанских воздушных масс после тоску нагоняющей обстановки и климата Памирского поста. Убийственное место! Глядя на него, можно повторить, что именно тут-то и был рай, ибо только Богом проклятая земля могла обратиться в такое царство смерти и запустения...» (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 4-4 об.).

Выходцам с кипящих жизнью равнин казалось, что даже животные избегают подолгу находиться в этом унылом краю: «Да, удивительно печальная страна этот Восточный Памир – пустыня, мертвая пустыня, только горы, камни и ничего живого, даже сурки и те пропали после Ак-Байтала. Архары же и киики высоко-высоко в горах, их не видно, а за ними и рысы и барсы. Медведи по диким боковым ущельям тоже не показываются» (BAR. Кн. 2).

Отсутствие комфорта, элементарных условий быта и связи с цивилизованным миром угнетали не только исполнявших свой долг военных, но и путешественников. А.Ф. Берладник-Пуковский в 1911 г. писал: «Приходится применяться к Азии и отказываться от того, что считается необходимым дома, напр. от стула, салфетки, вилки – так весь чай и выпил, сидя на ковре, как это неоднократно видели в Ташкенте», а после нескольких дней путешествия на Алае: «...Руки у меня стали цвета сартов, поливавших из арыков широкие улицы Ташкента, а лица не вижу, т.к. не имею зеркала, но думаю, что оно отличается от рук только красно-коричневым оттенком» (BAR. Кн. 1). Важно отметить, что восприятие европейцами условий быта в Центральной Азии немногим изменилось за последние 110 лет.

Установление власти империи над Памирами, несмотря на эпизодичность прямых конфликтов с конкурентами и отсутствие серьезных естественных преград внутри региона, растянулось на период с 1876 г. (рекогносцировка М.Д. Скобелева) до весны 1896 г. (ратификация Русско-британского соглашения о границе) (Постников, 2001: 133-134). При этом географическое изучение Мургаба было неразрывно связано с «Большой игрой», что приводило к постоянной «мутации» научных изысканий и политическим спекуляциям с их результатами. Интерес к региону со стороны научных организаций в России и за рубежом подогревался труднодоступностью и слабой изученностью Центральной Азии в целом. Российские экспедиционные отряды того времени были относительно невелики. Так, в экспедиции Г.Е. Грумм-Гржимайло 1886 г. участвовало трое джигитов, шестеро казаков, препаратор, переводчик, брат начальника экспедиции – 13 человек при 21 лошади. Кроме того, «на верблюдах уйдут транспорты ячменя и сухарей в нужном количестве из Оша следом, но неделю спустя...» («Только благодаря Вашей помощи...», 2006: 182) – писал исследователь своему частому корреспонденту С.Д. Шереметеву накануне отъезда на Памир. Обеспечение продовольствием было постоянной проблемой для находившихся в регионе русских военных и путешественников. Уже на стадии планирования поездки расходы составляли внушительную сумму. К примеру, при подготовке экспедиции в «соседний» с Памиром Тибет Г.Е. Грумм-Гржимайло был вынужден обратиться за финансовой помощью к давним соперникам русских в регионе – англичанам – и передать им часть сведений, «предлагая в счет вперед проданных им коллекций (части) выслать ... теперь же 1500 рублей» («Только благодаря Вашей помощи...», 2006: 190).

В финансировании полевых изысканий участвовали частные лица и организации. Разумеется, личные средства вкладывал и сам путешественник. «К сумме, переданной мне великим князем Николаем Михайловичем, будут присоединены 1500 от Георг[афического] общ[ества], 1500-750 – Минист[ерства] народного просвещ[ения], 250 – от Академии, около 1500 от Военн[ого] министерства, а «всего я буду иметь от 10750 до 9250 рублей, к которым своих денег (от продажи ковров, микроскопа и разных альбомов) я присоединяю еще 500 р. Сумма эта все же не совершенно достаточна» («Только благодаря Вашей помощи...», 2006: 190).

Обратившись к итогам экспедиций, мы обратили внимание на то, что первой жертвой научных манипуляций, вероятно, стало само понятие «Памир». В 1880-е гг. было обоснованно представление о применимости указанного термина в узком смысле только к современному Мургабу и Малому Памиру («внутренний Памир» Н.А. Северцова), притом, что «Памирская горная система» распространялась от Гиндукуша до Зеравшанского хребта (Иванов, 1885; Северцов, 1886). Однако в офицерской среде утвердились иные воззрения. С одной стороны, многие из покорителей края (например, П.А. Кузнецов, В.Н. Зайцев, З.И. Зайченко) писали исключительно о «Памирах», имея в виду высокогорные пастбища киргизов. С другой – очевидная искусственность новых границ и осознание их невыгодности для России приводили к стремлению подчеркнуть, что Тагдумбаш, бассейн Вахан-Дарьи, Бадахшан – тоже в определенной степени соотносимы с термином «Памиры» (Скерский, 1892: 14; Кузнецов, 1894: 1-2; Зайченко, 1903). После фактического подчинения бухарских Рушана, Шугнана и Вахана российской военной администрации (1905), Памиром (уже в единственном числе) стали называть всю зону ответственности одноименного отряда. В 1903 г. администратор региона В.Н. Зайцев использовал даже словосочетание «Ферганский Памир» (Зайцев, 1903: 35), которое вряд ли покажется курьезом, если вспомнить, что многие из потомков оседлых таджиков, оказавшихся под властью империи, сегодня именуют себя «памирцами».

Восприятие Памиров как безжизненного пространства усиливалось постоянными миграциями киргизов (с частым полным выселением в Сарыкол или на Малый Памир), перемещением постов (Центрального, Истыкского), сменным составом самого отряда (до А.Е. Снесарева включительно – один год службы) (Некрасов, 2017: 198-199), регулярным закрытием зимой перевалов, отрезавшим Мургаб даже от Бадахшана и Сарыкола.

Длительное пребывание в отрыве от близких и источников информации психологически угнетало европейцев. «Очень тяжело прощаться с миром, когда оставляешь там, позади, за этими высокими горами любимое и дорогое существо, знать, что, что бы ни случилось, только через 23–25 дней узнаешь, а ответ придет через 46–50 дней», – писал А.Ф. Берладник-Пуковский в 1911 г. (BAR. Кн. 1).

В начале XX в., кроме военных и чиновников, на Памире редко можно было встретить русских. Уже на Алае не встречалось русскоговорящих за пределами постов (AB ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 1 об.). Проблемой на протяжении всех 1890-х гг. оставалась организация сообщения с Ошем.

Дорога была не только трудной, но и небезопасной. В частности, в 1896 г. был зафиксирован случай исчезновения служебной почты вместе с джигитом Ширметом. По мнению тогдашнего начальника отряда капитана Н.А. Сулоцкого, происшествие было связано с деятельностью контрабандистов (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 2-2 об.). Финансовая сторона организации почтовой службы также неоднократно становилась предметом дискуссий (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 1-2 об.).

Переселенческая политика начала XX в. почти не затронула Памиры. Сложность логистики, суровые климатические условия не способствовали русской миграции. Тем не менее переселенцы из европейских губерний по крайней мере преодолевали Мургаб по пути в немногим более пригодный для оседлой жизни Вахан, где воспоминания А.Ф. Берладник-Пуковского фиксируют их близ Лянгарского поста, на границе с Афганистаном. Примечательно, что, как и на другую малонаселенную окраину – Дальний Восток, многие приезжали из Малороссии. «Лянгар – это станция для проезжающих – малюсенький домик в 2 комнаты, кругом еще два двора хохлов, все это на берегу речки Талдвек... Сам Лянгар расположен на высоте 5880 футов, т.е. на 1 2/3 версты выше уровня моря..., показывается из-за поворота горы, и его белые хохляцкие хатки с настоящей крутой соломенной крышей приветливо выделяются на зелени окружающих холмов и зовут отдохнуть уставших лошадей и поджарившегося всадника» (ВАР. Кн. 1). Примечательно, что покой упомянутых переселенцев охраняли свирепые кавказские овчарки.

Гнетуще воздействовало на европейцев отсутствие образованных женщин. Так, В.Н. Зайцев в переписке подчеркивал, что супруга третьего начальника отряда – капитана Скерского – станет «первой русской дамой, посетившей Памир» (Зайцев, 1903: 59), что «нам, за 14 месяцев соскучившимся о семье, доставит большое удовольствие» (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 1). В 1898 г. состоялось путешествие на Памир писательницы Ю.Д. Головниной с мужем в сопровождении зоолога М.М. Воскобойникова и фотографа-любительницы Н.П. Бартеневой. По итогам поездки были изданы путевые заметки (Головнина, 1902: 91-173). В 1901 г. регион с научными целями посетила выдающийся ботаник О.А. Федченко (Зайцев, 1903: 33). Особое отношение к приезжавшим женщинам отмечается во многих источниках дореволюционного периода, что лишний раз подчеркивает ощущение оторванности авторов от цивилизованного общества.

Впрочем, на организации «семейных туров» на Памир сказывалось отсутствие постоянных дворов, как, впрочем, и жилых зданий вообще. В 1911 г. Берладник-Пуковский так характеризовал удачное помещение для ночлега: «...добрались до «рабата» Бардоба. «Рабат» – это квадратный двор, окруженный насухо сложенной из дикого камня оградой в одном из углов которого стоит низкое здание из 4–6 сводчатых казематов. Это приют от непогоды для путников» (ВАР. Кн. 1). Ситуация с капитальными строениями в конце правления Александра III оставляла желать лучшего даже в отношении постоянных военных баз и долговременных опорных пунктов. 22 июля – 1 ноября 1893 г. было построено первое постоянное Памирское укрепление, включавшее, помимо фортификационных сооружений, «приемный покой с аптекой, офицерский флигель с канцелярией и общей столовой, две полуротные землянки», а также кухню с пекарней и баню. Вся тяжесть работ легла на плечи личного состава отряда, в том числе офицеров. Все возведенные строения носили временный характер. Капитальное строительство фактически началось только в 1901 г., когда генералом Пославским совместно с капитаном ген. шт. Снесаревым было выбрано новое место для поста около прежнего (времен П.А. Кузнецова) поста в урочище Шаджан (Зайцев, 1903: 58-59).

«Туземцы»

Длительность интеграции Мургаба в состав России на фоне соперничества с Китаем, Афганистаном и стоящей за ними Британией определила довольно специфический характер взаимоотношений с местным населением – памирскими киргизами. Будучи крайне немногочисленными и мобильными, эти кочевники неожиданно для себя оказались крайне ценным «ресурсом» для соперничающих держав. Наличие у кочевников пастбищ и родственников за границей, их крайняя бедность и отсутствие «начал гражданственности» создавали в глазах претендентов на доминирование в регионе целый ряд вызовов и возможностей. С одной стороны, официальные документы, публикации и личная переписка пестрят жалобами на игнорирование киргизами только что прочерченных границ, угрозу набегов и помощь вражеским разведчикам. С другой – те же источники полны рассказов об удачных сделках с аборигенами, будь то поставки терескена (*Krascheninnikovia ceratoides* – единственного, кроме кизяка, топлива в этих местах) и скота, получение информации «с той стороны», помощь в расквартировании отрядов. При этом одним из главных императивов деятельности военных было поддержание в глазах противников и народов региона престижа «русского имени»...

Российско-китайско-британское соперничество представляло для киргизского населения как возможность лавирования, так и опасность лишиться кочевий ввиду усиления контроля границы. Следствием этого были уникальные ситуации. Так, на протяжении не менее четверти века вполне самостоятельную политику в отношении Китая, Афганистана и России проводил... киргизский разбойник Сахиб-Назар. Это был известный своими набегам «полевой командир», район базирования которого находился в бассейне Гудары, в центре современного Горного Бадахшана.

Имея в подчинении не более 40 кибиток, Сахиб-Назар не только совершал набеги на Мургаб, российский Алай, китайский Сарыколь, бекства Западного Памира, но и успешно лавировал между великими державами (Россией и Британией). Так, в 1885 г. у него укрывался один из зачинщиков волнений в Фергане Махомед-Карим-датха. В 1889 г. Сахиб-Назар помог афганцам подавить восстание в Шугнанае. Одновременно ловкий разбойник радушно принимал экспедиции Н.А. Северцова, Д.В. Пугяты, Б.Л. Громбчевского, обеспечивая их всем необходимым (Пугята, 1884: 31-32; Громбчевский, 1891: 15-22). Присоединение Памира к России (владения Сахиб-Назара оказались между Орошорской и Памирской волостями) несколько снизило степень самостоятельности «киргизского Робин-Гуда». По приказанию полковника М.Е. ИONOва 3.10.1893 на зимовке Сахиб-Назара в урочище Полиз был поставлен пост подпоручика Б. Рукина (18 человек), убранный с появлением опорных пунктов в бухарских бекствах (Лу жецкая, 2010: 235; АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 1 об.). Тем не менее даже в работе 1903 г. В.Н. Зайцев упоминает престарелого «аламанщика» в числе обитателей русских Памиров (Зайцев, 1903: 49). Правда, с возрастом Сахиб-Назар перестал беспокоить соседей. Так, без драматических событий и репрессивных мер тихо исчезла «вольница» в самом сердце нового форпоста империи. Примечательно, что памирские киргизы играли определенную роль в планах немецкой разведки во время Первой мировой войны. Разведчик Вернер Отто фон Гентинг взаимодействовал с Джапаркул-ханом, снабжал его оружием и, видимо, планировал использовать в диверсиях против Памирского отряда (Ряполов, 2017: 91). Британская разведка также стремилась использовать киргизов для сбора разведанных (Постников, 2001: 194-203; Лукницкий, 1955: 171).

Не менее своеобразной (хотя и находившей параллели на Тянь-Шане и в Закаспии) была сама практика подданства киргизов, изобиловавшая откровенным торгом, игнорированием приказов властей и... весьма снисходительным отношением к этим фактам со стороны администрации всех уровней. Причиной такого попустительства, которая неоднократно указывалась в различных служебных документах, был своеобразный «комплекс вины» перед новыми подданными империи, порожденный урезанной версией присоединения Восточного Памира, которой была вынуждена довольствоваться Россия.

Конкретизируя выдвинутый тезис, опишем ситуацию на момент интеграции края в состав страны. При введении «военного управления» на Памире 1 сентября 1892 г. (Зайцев, 1903: 57) вследствие тяжелой военно-политической обстановки предшествующего десятилетия регион населяло всего около тысячи киргизов, большая часть которых (кроме группы Сахиб-Назара) до этого считалась китайскими подданными (Скерский, 1892: 36-38; Кузнецов, 1894: 9-13). Причиной такого положения был не призрачный контроль китайцев над этими территориями, а их реальное преобладание в соседнем Сарыколе, где многие киргизские роды (особенно населявшие Ак-таш представители клана Кадырша) не только кочевали зимой, но и имели крепкие родственные связи (Зайцев, 1903: 49-50). Напротив, некоторые районы, занятые Россией (например, Большой Памир), вообще посещались номадами эпизодически (Скерский, 1892: 37). А если добавить к изложенному полное освобождение от налогов и повинностей, за исключением патрулирования границы, со стороны цинской администрации, несложно понять, почему «население отнеслось довольно равнодушно к заявлению нашему, что земли, на которых они кочуют, принадлежат России». При этом киргизы старались скрыть свою численность (Скерский, 1892: 38).

Появление столь неудобной для новых подданных империи границы сопровождалось целым рядом иных неприятностей. Так, решив не вводить на Памире налоги (а в 1895 г. еще и отменив выплаты в пользу туземной администрации), военные вынуждены были учредить ряд повинностей, без которых они не смогли бы сохранять устойчивое присутствие в регионе. Наиболее важной из них была возмездная поставка отряду терескена. Кроме того, киргизы должны были по «справочным» (устанавливаемым туркестанскими властями) ценам продавать пограничникам продукты питания и кошмы, а также по требованию предоставлять юрты в местах ночевки перемещающихся по Мургабу должностных лиц (Скерский, 2016: 828-830; Снесарев, 2015: 234; АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 1 об.; Некрасов, 2017: 159). При этом косвенно о размерах поставок позволяет судить ремарка первого начальника отряда П.А. Кузнецова: «В топлице не стеснялись, а потому каждый пил чай, когда хотел» (Кузнецов, 1894: 16).

Учитывая упомянутые обстоятельства, а также регулярные весенние голодовки (Снесарев, 2015: 237-238), киргизы очень часто избегали выполнения повинностей (Зайцев, 1903: 51; Некрасов, 2017: 80). Вероятно, именно это, вкупе с ненадежностью логистики, систематическим урезанием бюджета отряда (Некрасов, 2017: 78-79) и колебаниями высшего руководства относительно присоединения края, сделали отряд «сменным», а интеграцию Памира в целом – крайне медленным процессом, завершившимся фактически лишь в 1905 г.

Отдельным аспектом деятельности военной администрации, провоцировавшим конфликты, была организация туземного самоуправления. На момент прихода русских китайцы признавали легитимными трех киргизских «старшин». Основные кочевья одного из них, мужинского бека (на момент прихода русских – Алайчи), находились в Тагарме, т.е. остались в пределах империи Цин (Скерский, 1892: 37-38). При этом, как уже говорилось, тагарминцам, (которые, судя по истории

экспедиции Д.В. Путяты, выделялись китайцами (Махмудов, 2018: 503-518) были родственны ак-ташские киргизы. Именно они в наибольшей степени пострадали от установления границы. Кроме того, статус родственников китайских подданных явно понизился. При создании в 1891 г. Памирской волости из четырех аминств (районов) волостным управителем был назначен бек Тукур Кутлу-Ходжинов (по данным О.В. Некрасова – из алайских киргизов) (Некрасов, 2017: 141), враждебно настроенный по отношению к роду Кадырша (Зайцев, 1903: 51). К этому добавились задержка с присылкой от ферганского губернатора ак-ташскому амину Бай-сары властной регалии («почетного халата»), требование верблюдов для поставки топлива отряду, «разочарование» от сохранения Сарыколя под властью китайцев. В итоге в 1894 г. 33 семьи откочевали к родственникам в Синьцзян (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 1-1 об.; Зайцев, 1903: 49-50; Снесарев, 2015: 232; Некрасов, 2017: 84-86). Данный случай не был уникальным. По информации, собранной А.Е. Снесаревым, только за 1900 г. «в китайские пределы бежало 17 юрт – 36 мужчин и 30 женщин, в афганские – 15 юрт, 33 мужчины и 31 женщина; к нам прибыло из Китая 4 юрты – 11 мужчин и 9 женщин, из Афганистана одна юрта – 3 мужчины и 2 женщины» (Снесарев, 2015: 232).

Как же воспринимались все указанные выше особенности населения Восточного Памира военными?

Первым, кто лицом к лицу столкнулся с перечисленными трудностями, был назначенный в 1892 г. «заведующим памирским населением» Б.Л. Громбчевский (Постников, 2001: 271-274). В дальнейшем эта должность закрепилась за начальниками Памирского поста, сохранившись за ними после переноса штаба отряда в Хорог осенью 1897 г. Однако высшей административной инстанцией в регионе оставался начальник всего отряда (Некрасов, 2017: 134-139).

Должностные лица, как и другие русские военные в Мургабе, в том числе непосредственно в отряде не служившие, в один голос сокрушались о невзгодах, которые выпали на долю «чистых» кочевников, вынужденных бороться не только с природными бедствиями, но и с последствиями политических событий периода вхождения в состав империи. Практически все авторы подчеркивают, что постоянное нарушение границ номадами вызвано тем, что разграничение отрезало их от пастбищ Малого Памира и Сарыколя (Зайцев, 1903: 49-50; Бухерт, 2010: 42; АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 1). В то же время «цивилизаторы» критически относились к социальной психологии киргизов, констатируя их правовой нигилизм («равнодушие» (Скерский, 1892: 38) по отношению к подданству, тщеславие, меркантильность, а также негативную архаику, вроде нечистоплотности, рабовладения, покупки жен и нежелания делать запасы на случай весенних голодовок (Серебренников, 1900: 57-67; Акромов, 1975: 70-77).

Со всеми этими «пережитками», а также пороками новой эпохи – сутяжничеством и контрабандой – памирские пограничные администраторы боролись с той или иной степенью успеха: принимали жалобы от киргизских жен, использовали российские законы для защиты их прав, раздавали «почетные халаты» и хлопотали о жалованье туземным должностным лицам, обеспечивали население хлебом по льготным ценам и, наконец, вплоть до падения самодержавия отстаивали полную свободу коренного населения «Памирской выси» от налогов (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 1 об.-2 об.; АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 1-2 об.). Безусловно, в собственных глазах русские пограничники выглядели людьми гуманными и снисходительными по отношению к аборигенам «Крыши мира». Тем ироничнее звучат обличения в их адрес документа революционной эпохи – записки об устройстве Памирского района И.И. Зарубина от 6 мая 1917 г. (Бухерт, 2011: 30-32). В этом докладе, поданном помощнику военного министра Временного правительства В.Ф. Новицкому, в размашисто бичевательной манере критикуется вся четверть века формировавшаяся система регионального управления. Здесь и незнакомство «начальника и офицеров отряда» с бытом населения, и «неограниченный» характер их власти (при военном управлении!), и «не установленные ни законом, ни обычаем» повинности (вероятно, те самые, что годами обсуждались, регламентировались и менялись в попытках сбалансировать нужды отряда и местного населения). Но, помимо этих «демократических» изысков, в небольшом тексте есть многочисленные примеры реальных проблем: засилья «переводчиков и низшей туземной администрации», ошибок при реализации судебных полномочий офицерами и т.д. Таким образом, перед нами свидетельство проникновения в среду русских памирцев постколониального дискурса, через призму которого в ином свете предстают Памир и его обитатели.

Влияние, которое внешние обстоятельства оказывали на отряд, не назовешь однозначным. С одной стороны, рядовой состав на Памиры изначально набирался из «охотников» (т.е. добровольцев), а для офицеров это был, как уже сказано, карьерный трамплин. При этом с 1894 г. до революции 1917 г. боевые эпизоды здесь не возникали. С другой стороны, тяжелые климатические условия, изоляция и проблемы со снабжением приводили к конфликтам с местным населением, в отношении которого даже применялись телесные наказания, психологическим травмам (примером такого рода может служить самоубийство начальника поста поручика Ф.А. Глуздовского) (Басханов, 2015: 106), пьянству и растратам (Бухерт, 2011: 31; Басханов, 2015: 146). Сказывалось постоянное напряжение, подогреваемое близостью нестабильных в политическом отношении регионов (Канджунт, Сарыколь, Тагдумбаш, Малый Памир, Правобережный Вахан,

Кашгария). Службу на Восточном Памире мог выдержать далеко не каждый. В 1911 г. на Алае Берладник-Пуковский писал: «При спуске с этого перевала... у подножия Алайского хребта – могила капитана Мезенцева: сердце его не выдержало резкого изменения давления воздуха, и он нашел здесь свой покой» (BAR. Кн. 1).

Самой большой численностью одновременно пребывавших на Памиро-Алае военных в эпоху империи, вероятно, можно считать 950 человек в стадии ведения боевых действий, но обычно на Памире, включая наемников-джигитов, находилось от 100 до 200 воинов. Численность личного состава каждого поста редко превышала 50 человек. Больше содержать было невозможно. Как правило, порядка 10 человек в отряде были подвержены разного рода заболеваниям (Некрасов, 2017: 73-79).

Вопрос о преемственности и перспективах российского военного присутствия на Памире

В условиях революции и набирающей обороты Гражданской войны разложение армии в конце концов достигло Памира. К примеру, в ноябре 1918 г. начальник Памирского отряда полковник В.В. Фенин с другими офицерами, склонявшимися на сторону Белого движения, захватив часть вооружения отряда, пересекли ваханский коридор и ушли на территорию Британской Индии (Абдуллаев, 2009: 150). Памир, как и другие территории России, стал частью арены Гражданской войны. Так же, как и на других фронтах, ее участники оказывались среди белых и красных по воле случая. К примеру, М. Вичич – чешский социал-демократ – служил в отряде под командованием полковника Ф. Тимофеева. В советской историографии была принята точка зрения, что Мургаб оказался между «басмаческой» Алайской долиной и «белогвардейцами» из числа пограничников с постов Западного Памира. Ввиду успешной пропаганды и дипломатических успехов Советской России в Афганистане верх в противостоянии одержали большевики (Алексеев, 2009: 83).

С укреплением новой власти постепенно происходило восстановление российского присутствия в регионе. Вместо единого отряда и нескольких постов были созданы 4 отряда: Пянджский, Калай-Хумбский, Хорогский и Мургабский. Каждый из них имел более или менее условную преемственную связь с постами времен Российской империи. Например, Мургабский отряд, как было определено Н.А. Захарчевым, разместился на месте первого опорного пункта русских – укрепления Шаджанского (правда, переезд пограничников на это место состоялся еще в июле 1903 г.) (Захарчев, 2014: 44-60, 77-82). Вероятно, именно здесь в 1920 г. отступавший из Ферганской долины «курбаши» Мадаминбек вырезал личный состав погранпоста.

Важной задачей для большевиков стала ликвидация басмаческого отряда Моллы Адиходжаева. Ему удалось взять под контроль участок Памирского тракта (из Хорога в Ош). В течение нескольких лет шли бои местного значения за стратегически важный перевал с применением авиации.

В дальнейшем преемственность с дореволюционной системой управления отчасти сохранялась. 10 декабря 1930 г. был сформирован 66-й Памирский пограничный отряд (ПОГО), который на Восточном Памире имел заставы «Кызыл-Рабат» и «Мургаб», а также посты «Тохтамыш», «Ранг-Куль», «Муз-Куль», «Кара-Куль». Это была еще не вполне системная организация границы: контроль велся лишь периодическими конными разъездами (Назаршоев, 2017: 354). Статус и подчинение Мургабского ПОГО изменялся под влиянием внешних условий. В период осложнений отношений с Китайской Народной Республикой он был преобразован в 35 Мургабский ПОГО Восточного пограничного округа. Одновременно была усовершенствована сигнализационная система. По воспоминаниям служивших в пограничном отряде офицеров, в июле–августе 1968 г. были попытки пересечь границу китайскими семьями (30–33 чел.) (3-я застава «Ранг-Куль»). В порядке преемственности советские пограничники, а позднее и российские, наследовали контроль над региональной безопасностью. Взаимодействию с местным населением придавалось особое значение. В информационно-пропагандистском фильме «Моя служба в ПВ КГБ СССР. Восточный Памир-Мургаб» (Моя служба в ПВ КГБ СССР...) можно увидеть, каким образом в сложных ситуациях местное население находило помощь у военных.

На территории ГБАО Таджикистана действовал т.н. «северный коэффициент». Присутствие пограничников в населенных пунктах создавало существенное количество дополнительных рабочих мест. При этом Памир оставался самым отсталым и труднодоступным регионом Таджикистана, а Мургаб – своего рода «ГБАО внутри ГБАО». Занимая 60,7 % площади советского Памира, он представлял собой наименее населенную часть региона.

При сравнении с дореволюционной ситуацией прослеживается определенная преемственность в распределении населения по территории Памира. Кроме того, очевиден большой относительный прирост населения при скромности абсолютных цифр. В 1902 г. постоянное население восточной части региона состояло из кочевников-киргизов (2272 человека), в северо-западной части Памира (Рошанская волость) было 753 таджика. «Итого русских подданных 3025, ...общее количество туземного населения Памира к 1902 году было не менее 16827 чел., разбросанных на территории в 44500 кв. верст» (Зайцев, 1903: 48-49). Через 87 лет всесоюзная перепись зафиксировала проживание на территории Мургабского района ГБАО 12 700 человек (Всесоюзная перепись населения 1989 г.). А всего на территории ГБАО проживало около 161 тысячи человек (Болдырев, 1990: 19).

Вывод советских войск из Афганистана, исчезновение 15-километровой полосы безопасности вдоль границы и распад СССР привели к резкому обострению военной и социальной обстановки во всей ГБАО (Назаршоев, 2017: 183-210; Daudov, Shorokhov, Andreev, 2018: 799-822). Уже в 1990–1991 гг. представители региональных властей, КГБ и пограничников отмечали факты вооруженных столкновений с группами афганских и таджикских контрабандистов. Основным предметом транспортировки, конечно, были наркотики. В докладах фиксировалось систематическое давление представителей наркомафии на пограничников и чиновников из числа местного населения (ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 109). Успеху подрывной работы «из-за реки» во многом способствовало ослабление пограничного контроля, мягкость наказаний за нарушение границы, отток кадров из автономии и отсутствие развитой системы досмотра грузов (ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 24-28, 106-124). Ситуация усугубилась в декабре 1991 г., когда группа пограничных войск «Душанбе», по сути, осталась без государственной принадлежности. Полная неопределенность продолжалась до августа 1992 г. С 19 октября 1992 г. Мургабский ПОГО был в составе группы пограничных войск Российской Федерации.

В 1990-е гг. Мургабский отряд был важнейшим подразделением СНГ, стоящем на пути трансграничного наркотрафика. Памирский тракт привлекал наркоторговцев и фундаменталистов в качестве оптимального пути из Афганистана в Ферганскую долину, где стык Узбекистана, Киргизии и Таджикистана мог служить в качестве стартовой позиции для противоправной деятельности в любой из перечисленных республик. Ситуация усугублялась тем, что отряд был одним из самых «растянутых» вдоль границы и контролировал участок в 511 км. Тем не менее успехи в противостоянии с организованной преступностью были значительными. В 1996 г. силами Мургабского ПОГО был арестован один из полевых командиров Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) Алиер с 250 кг. героина (Летов, 2002: 86).

При этом с военной точки зрения Восточный Памир считался тыловым районом. Так, в 1996 г. для выполнения специальных задач мотоманевренные группы из штатного состава Мургабского ПОГО перекидывали на Хорогское направление (Михайлов, 2008: 286). Именно военно-политическая стабильность определила тот факт, что в 2002 г. участок стал первым среди передаваемых Россией объектов пограничной инфраструктуры Комитету по охране государственной границы при Правительстве Республики Таджикистан.

4. Заключение

С начала российского продвижения за Алай «Памиры» рассматривались как потенциально тыловой район и трамплин для дальнейшего продвижения в сторону Кашгарии и Гиндукуша. В 1895 г. империя окончательно закрепила за собой эти стратегически значимые, но экономически убыточные территории, которые пришлось искусственно отделить от отошедших под контроль соперников земель. Несмотря на это, в среде военной и политической элиты России сохранялись представления о «промежуточном» характере разграничения и, соответственно, сомнения в необходимости полноценного военного присутствия на Восточном Памире. Этим объяснялся целый ряд парадоксальных ситуаций. Так, несмотря на очевидное превосходство геостратегического положения Шаджанского и Памирского постов над укреплениями в узких долинах правобережного Бадахшана, с 1897 г. управление русскими военными осуществлялось из приграничного (и находившегося на формально бухарской территории) Хорога.

По ряду причин кочевые киргизы под разными предлогами избегали выполнения повинностей, необходимых для функционирования отряда, однако их поведение встречало снисходительность и понимание военных, считавших сложившиеся границы неприемлемыми. Ненадежность логистики, систематическое урезание бюджета отряда и колебания высшего руководства относительно присоединения новых территорий в центре Азии сделали интеграцию Памира в состав Российской империи затяжным процессом, фактически завершившимся только в 1905 г.

Организация быта русских военных на Памире, и особенно в Мургабе, во второй половине XIX – начале XX вв. интересна как яркий пример конфликта и синтеза европейского мира Нового времени и традиционного кочевого общества. Перед нами наглядная и подробно охарактеризованная в источниках модель действий представителей великой державы в труднодоступном регионе Азии. Популярность памирской темы, помимо широкодоступных современному читателю фотографий, прекрасно «иллюстрируют» документы эпохи – официальная переписка и отчеты, мемуарная литература, путевые заметки. Особенности региона, красочно описанные русскими военными, исследователями и путешественниками в последней четверти XIX – начале XX вв. остались неизменными и в XXI в.: суровая природа, высокогорный климат, отсутствие стабильных источников продовольствия и топлива, инфраструктурные проблемы, информационная оторванность от культурных центров не позволяют говорить о комфортности долгосрочного пребывания «на Памирах». И тем не менее значимость региона для России подтверждается всей историей пограничного сотрудничества.

За время присутствия российских войск (1889–2005 гг.) Памир был для России базовым районом для многочисленных политических «фальстартов»: вопрос припанджских бекств, гиндукушские комбинации, сарыкольский вопрос, афганская проблема – все они должны были быть решены с опорой на этот регион. И наоборот, все, кто пытался проникнуть в Фергану и на Алай (английские шпионы, киргизские кочевые роды, а позже националисты, китайцы), оказывались на «Памирах». Стоит признать, что при этом киргизы, пребывая под властью соседних государств, часто оказывались объектом административного, экономического и культурного прессинга вне зависимости от того, кто закреплял за собой эти столь малопригодные для огосударствления территории.

Современному быту местного населения, несмотря на все усилия имперских властей и колоссальные преобразования XX–XXI вв., по-прежнему во многом присущи традиционность и даже архаичность (Шорохов и др., 2015: 226). Не будет преувеличением сказать, что пограничники СССР, затем Российской Федерации и бывших союзных, а ныне независимых республик являются прямыми наследниками офицеров русской императорской армии и Генерального штаба. Эти люди, действуя по долгу службы, в суровых условиях Памира пытались организовать жизнь местного населения с учетом своих представлений о последних достижениях цивилизации (медицины, новых технологий строительства, мер безопасности и прав человека). Они же часто вели исследовательскую работу в регионе. По разным политическим и экономическим причинам такая деятельность не всегда была успешной, но она продолжается с момента появления русских на Памире, и ее гуманитарная направленность очевидна.

5. Благодарности

Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (кандидатов наук) № МК-5515.2018.6 «Россия и этнополитические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (1991–2005)».

Литература

3-я застава “Рангкуль” – 3-я застава “Рангкуль”. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pogranec.ru/showthread.php?t=6472&page=7> (дата обращения: 17.10.2019).

Абдуллаев, 2009 – Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX в. Душанбе: Ирфон, 2009. 572 с.

АВ ИВР РАН – АВ ИВР РАН. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук.

Акромов, 1975 – Акромов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. Душанбе: Ирфон, 1975. 238 с.

Алексеев, 2009 – Алексеев А.К. Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М. Ионова в Западный Памир (1894) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2009. Сер. 13. Вып. 3. С. 76-90.

ВАР – Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры. Бумаги А.Ф. Берладника-Пуковского, 1910–1930. Коробка 1. Письма с Памира и Восточной Бухары, 1911. Кн. 1–2.

Болдырев, 1990 – Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 49 с.

Бухерт, 2010 – Бухерт В.Г. ... И его русский портрет // *Петровский Н.Ф. Туркестанские письма*. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 358 с.

Бухерт, 2011 – Бухерт В.Г. «Настоятельнейшие нужды Памирского района»: Записка И.И. Зарубина. 1917 г. // *Восточный архив*. 2011. № 2 (24). С. 30-32.

Всесоюзная перепись населения 1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу // *Демоскоп Weekly*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (дата обращения: 15.04.2018).

ГА ГБАО – Государственный архив Горно-Бадахшанской автономной области.

Гвоздецкий, Михайлов, 1978 – Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И. Физическая география СССР. М.: Мысль, 1978. 512 с.

Головнина, 1902 – Головнина Ю.Д. На Памирах: Записки русской путешественницы. М.: Типография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1902. 244 с.

Громбчевский, 1891 – Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром: Военно-политический очерк. Новый Маргелан: Типография Ферганского областного правления, 1891. 58 с.

Зайцев, 1903 – Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана: Историко-географический очерк (с картой). Новый Маргелан: Типография Ферганского областного правления, 1903. 79 с.

Зайченко, 1903 – *Зайченко З.И. Памиры и Сарыкол. Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса. Ташкент: Тип. штаба Туркестанского военного округа, 1903. 119 с.*

Захарчев, 2014 – *Захарчев Н.А. Тайны Памирского поста. Ульяновск: Мастер-Студия, 2014. 176 с.*

Иванов, 1885 – *Иванов Д.Л. Что называть Памиром? // Известия ИРГО. 1885. Т. 21. С. 131-145.*

Кузнецов, 1894 – *Кузнецов П.А. Памиры (Из сообщения Генерального штаба капитана Кузнецова) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVI. СПб.: Военная типография, 1894. С. 1-21.*

Летов, 2002 – *Летов В. На страже рубежей Восточного Памира. На Южном рубеже. СПб.: «Бостон-Спектр». 2002. С. 84-86.*

Лужецкая, 2008 – *Лужецкая Н.Л. Отчет начальника Памирского отряда капитана В.Н. Зайцева (1893–1894) в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. 2008. 1 (8). С. 154-164.*

Лужецкая, 2010 – *Лужецкая Н.Л. Материалы Архива востоковедов ИВР РАН о движении летучего отряда полковника Ионова на р. Бартанг в Рушане. 1893 г. // Письменные памятники Востока. 2010. 1 (12). С. 223-236.*

Лукницкий, 1955 – *Лукницкий П. Путешествия по Памиру. М.: Молодая гвардия, 1955. 502 с.*

Махмудов, 2018 – *Махмудов О.А. «Все было против нас»: большая Памирская экспедиция 1883 года (Пребывание и деятельность на Восточном Памире) // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой. М.: Исламская книга, 2018. 504 с.*

Михайлов, 2008 – *Михайлов А.Н. История боевой подготовки пограничников в Таджикистане. Душанбе: МАТБУОТ, 2008. 393 с.*

Моя служба в ПВ КГБ СССР... – *Моя служба в ПВ КГБ СССР. Восточный Памир–Мургаб. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2lgTLz-690A> (дата обращения: 17.10.2019).*

Назаршоев, 2017 – *Назаршоев Н.М. На Южном рубеже. Российские пограничники в Таджикистане: XIX–XXI вв. М.: Яуза-каталог, 2017. 432 с.*

Некрасов, 2017 – *Некрасов О.В. Памирский отряд: охрана российской границы на «Крыше мира» и управление «Русскими Памирами» // Власть. 2017. № 1. С. 196-203.*

Некрасов, 2017 – *Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX – начало XX вв. (По архивным, правовым и иным материалам). М.: Авторская академия, 2017. 248 с.*

Постников, 2001 – *Постников А.В. Схватка на «крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 416 с.*

Путята, 1884 – *Путята Д.В. Очерк экспедиции Г.-Ш. капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. X. СПб.: Военная типография, 1884. С. 1-88.*

Раджабов, Бободжанов, 1975 – *Раджабов С., Бободжанов Н. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе: Ирфон, 1975. 36 с.*

Ряполов, 2017 – *Ряполов В. Туркестан в планах Кайзеровской Германии в начале XX в. // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном. М.: Русский импульс, 2017. С. 88-93.*

Северцов, 1886 – *Северцов Н.А. Орографический очерк Памирской горной системы. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1886. XX. С. 17-20.*

Сергеев, 2012 – *Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 463 с.*

Серебренников, 1900 – *Серебренников А. Очерк Памира. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. 49 с.*

Скерский, 1892 – *Скерский А.Г. Краткий очерк Памира Ген. Штаба капитана Скерского // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. L. СПб.: Военная типография, 1892. С. 14-40.*

Скерский, 2016 – *Скерский А.Г. Рапорт начальника Памирского отряда военному губернатору Ферганской области. 15 апреля 1895 г. Пост Памирский // Туркестан в имперской политике России: Монография в документах / Отв. ред. Т.В. Котюкова. М.: Кучково поле, 2016. С. 828-830.*

Снесарев, 2015 – *Снесарев А.Е. Приложение: Записка А.Е. Снесарева «О Памирах» // Басханов М.К. «У ворот английского могущества». А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. СПб.: Нестор-История, 2015. 325 с.*

«Только благодаря Вашей помощи...», 2006 – *«Только благодаря Вашей помощи...». Письма Г.Е. Грумм-Гржимайло графу С.Д. Шереметеву 1887–1889 гг. // Исторический архив. 2006. № 2. С. 179-190.*

Умаров и др., 2014 – *Умаров Х.У., Мухаббатов Х.М., Акобиров Ш.З. Пянджский трансграничный бассейн: ресурсы и проблемы социально-экономического развития // Известия РАН. Серия Географическая. 2014. Вып. 6. 101-109 с.*

Шорохов и др., 2015 – Шорохов В.А., Баранов Д.А., Овсянников Д.В., Онацко А.Н. Разная земля. Т. 4: У подножия неба. СПб.: Славия, 2015. 226 с.

Burnes, 1834 – Burnes A. Travels into Bokhara. 3 vol. 1834. London: John Murray, Albemarle Street.

Gurzon, 1896 – Gurzon G.N. The Pamirs and the Source of the Oxus, 1896. London: The Royal Geographical Society, 96 p.

Daudov et al., 2018 – Daudov A.Kh., Shorokhov V.A., Andreev A.A. Anatomy of the Political Transformations during the Period of the Dissolution of the USSR on the Material from Kūhistoni Badakhshon // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2018. Vol. 63. Is. 3, pp. 799-822.

Forsyth, 1887 – Forsyth T.D. Autobiography and Reminiscences of Sir Douglas Forsyth. 1887. London: R. Bentley and Son, 306 p.

Forsyth, 1872 – Journey from Peshawar to Kashgar and Yarkand in Eastern Turkestan, or Little Bokharia, through Afghanistan, Balkh, Badakhshan, Wakhan, Pamir and Sarikol, Undertaken by Faiz Buksh in Connection with the Mission of T.D. Forsyth // *Journal of the Royal Geographical Society*. Vol. 42. 1872, pp. 448-473.

Shaw, 1871 – Shaw R. Visits to High Tartary, Yarkand, and Kashgar (Formerly Chinese Tartary), and Return Journey Over the Karakoram Pass. London: John Murray, Albemarle Street. 1871. 542 p.

References

3 – ya zastava “Rangkul” – 3 – ya zastava “Rangkul”. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pogranec.ru/showthread.php?t=6472&page=7> (date of access: 17.10.2019). [in Russian]

Abdullaev, 2009 – Abdullaev K.N. (2009). Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX v. [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the twentieth century.] Dushanbe: Irfon, 572 p. [in Russian]

Alekseev, 2009 – Alekseev A.K. (2009) Rossiya na «Kryshe mira»: Pamirskii otryad v politicheskoi i kul'turnoi zhizni Badakhshana. K 115-letiyu pokhoda generala M. Ionova v Zapadnyi Pamir (1894) [Russia on the "Roof of the World": Pamir detachment in the political and cultural life of Badakhshan. On the 115th anniversary of the campaign of General M. Ionov in the Western Pamirs]. *Bulletin of St. Petersburg University*, Nr. 3 (13), pp. 76-90. [in Russian]

Akromov, 1975 – Akromov N.M. (1975). Voprosy istorii, arkheologii i etnografii narodov Pamira i Pripamir'ya v trudakh B. L. Grombchevskogo [Questions of history, archeology and ethnography of the peoples of the Pamirs and Pamir region in the works of B. L. Grombchevsky.]. Dushanbe: Irfon, p. 238. [in Russian]

AV IVR RAN – Archive of Orientalists Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences.

BAR – Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. Andrei Fedorovich Berladnik-Pukovskii Papers, 1910-1930. Box 1. Trip to Pamir and Bukhara Regions, 1911. Books 1-2.

Boldyrev, 1990 – Boldyrev V.A. (1990). Itogi perepisi naseleniya SSSR [Results of census of the USSR]. M.: Finansy i statistika, p. 49. [in Russian]

Bukhert, 2010 – Bukhert V.G. (2010). I ego russkii portret [And his Russian portrait]. *Petrovsky N.F. Turkestan letters*. M.: Monuments of historical thought, p. 358. [in Russian]

Bukhert, 2011 – Bukhert V.G. (2011). «Nastoyatel'neishie nuzhdy Pamirskogo raiona»: Zapiska I.I. Zarubina. 1917 g. [The urgent needs of the Pamir region ": Note I. I. Zarubina. 1917]. *Oriental archive*. Nr 2 (24). pp. 30-32. [in Russian]

Daudov et al., 2018 – Daudov A.Kh., Shorokhov V.A., Andreev A.A. (2018). Anatomy of the Political Transformations during the Period of the Dissolution of the USSR on the Material from Kūhistoni Badakhshon. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Is. 3. Pp. 799-822.

GA GBAO – State Archive of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region.

Golovnina, 1902 – Golovnina Yu.D. (1902). Na Pamirakh: Zapiski russkoi puteshestvennitsy [In the Pamirs: Notes of a Russian traveler]. M.: Tipografiya T-va I. N. Kushnerev i Ko, p. 244. [in Russian]

Grombchevskii, 1891 – Grombchevskii B.L. (1891). Sovremennoe politicheskoe polozhenie Pamirskikh khanstv i pogranichnoi linii s Kashmirom: Voenno-politicheskii ocherk [The current political situation of the Pamir Khanates and the border line with Kashmir: Military-political essay]. Novyi Margelan: Tipografiya Ferganskogo Oblastnogo pravleniya, p. 58. [in Russian]

Gvozdetskii, Mikhailov, 1978 – Gvozdetskii N.A., Mikhailov N.I. (1978). Fizicheskaya geografiya SSSR [Physical geography of the USSR]. M.: Thought, p. 512. [in Russian]

Ivanov, 1885 – Ivanov D.L. (1885). Chto nazyvat' Pamirom? [What to call the Pamir?]. *Izvestiya IRGO*. V. 21, pp. 131-145. [in Russian]

Forsyth, 1887 – Forsyth T.D. (1887). Autobiography and Reminiscences of Sir Douglas Forsyth. London: R. Bentley and Son, 306 p.

Forsyth, 1872 – Journey from Peshawar to Kashgar and Yarkand in Eastern Turkestan, or Little Bokharia, through Afghanistan, Balkh, Badakhshan, Wakhan, Pamir and Sarikol, Undertaken by Faiz Buksh in Connection with the Mission of T.D. Forsyth. *Journal of the Royal Geographical Society*. Vol. 42. 1872, pp. 448-473.

Kuznetsov, 1894 – *Kuznetsov P.A.* (1894). Pamiry (Iz soobshcheniya General'nogo Shtaba kapitana Kuznetsova) [Pamirs (From the report of the General Staff of Captain Kuznetsov)]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. V. LVI. SPb.: Voennaya tipografiya, pp. 1-21. [in Russian]

Letov, 2002 – *Letov V.* (2002). Na strazhe rubezhei Vostochnogo Pamira. Na Yuzhnom Rubezhe SPb.: «Boston-Spektr», pp. 84-86. [in Russian]

Luknitskii, 1955 – *Luknitskii P.* (1955). Puteshestviya po Pamiru [Travels in the Pamirs]. M.: Molodaya gvardiya, p. 502. [in Russian]

Luzhetskaya, 2008 – *Luzhetskaya N.L.* (2008). Otchet nachal'nika Pamirskogo otryada kapitana V.N. Zaitseva (1893-1894) v Arkhive vostoekovedov Instituta vostochnykh rukopisei RAN [Report of the Captain V.N. Zaitsev (1893-1894), Head of the Pamir Detachment, in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. Nr. 1(8). pp. 154-164. [in Russian]

Luzhetskaya, 2010 – *Luzhetskaya N.L.* (2010). Materialy Arkhiva vostoekovedov IVR RAN o dvizhenii letuchego otryada polkovnika Ionova na r. Bartang v Rushane. 1893 g. [Materials of the Archive of Orientalists of the IOM of the Russian Academy of Sciences on the movement of the “flying” detachment of Colonel Ionov on the river. Bartang in Rushan]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. Nr. 1 (12), pp. 223-236. [in Russian]

Makhmudov, 2018 – *Makhmudov O.A.* (2018). «Vse bylo protiv nas»: bol'shaya Pamirskaya ekspeditsiya 1883 goda (Prebyvanie i deyatel'nost' na Vostochnom Pamire) [“Everything was against us”: the great Pamir expedition of 1883 (Stay and activity in the Eastern Pamirs)]. *Oazisy Shelkovogo puti: sovremennye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniya narodov Tsentral'noi Azii: K 100-letiyu doktora istoricheskikh nauk Balkis Khalilovny Karmyshevoi*. M.: Islamskaya kniga, p. 504. [in Russian]

Mikhailov, 2008 – *Mikhailov A.N.* (2008). Istoriya boevoi podgotovki pogranichnikov v Tadzhikestane [The history of combat training of border guards in Tajikistan]. Dushanbe: MATBUOT, p. 393. [in Russian]

Moya sluzhba v PV KGB SSSR... – Moya sluzhba v PV KGB SSSR. Vostochnyi Pamir-Murgab. [My service in the PV KGB of the USSR ... My service in the PV KGB of the USSR. Eastern Pamir Murghab] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2lgTLz-690A> (date of access: 17.10.2019). [in Russian]

Nazarshoev, 2017 – *Nazarshoev N.M.* (2017). Na Yuzhnom rubezhe. Rossiiskie pogranichniki v Tadzhikestane: XIX-XXI vv. [At the southern turn. Russian border guards in Tajikistan: XX-XI centuries]. M.: Yauza-katalog, p. 432. [in Russian]

Nekrasov, 2017 – *Nekrasov O.V.* (2017). Pamirskii otryad: okhrana rossiiskoi granitsy na «Kryshe mira» i upravlenie «Russkimi Pamirami» [Pamir detachment: guarding the Russian border on the Roof of the World and managing the Russian Pamirs]. *Vlast'*. Nr. 1. pp. 196-203. [in Russian]

Nekrasov, 2017 – *Nekrasov O.V.* (2017). Russkie pogranichniki na «Kryshe mira»: konets XIX – nachalo KhKh v. (Po arkhivnym, pravovym i inym materialam) [Russian border guards on the "Roof of the World": end of the twentieth – beginning of the twentieth century. (According to archival, legal and other materials)]. M.: Avtorskaya Akademiya, p. 248. [in Russian]

Postnikov, 2001 – *Postnikov A.V.* (2001). Skhvatka na «kryshe mira»: politiki, razvedchiki i geografy v bor'be za Pamir v XIX veke (monografiya v dokumentakh) [The battle on the "roof of the world": politicians, scouts and geographers in the struggle for the Pamirs in the twentieth century (monograph in documents)]. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, p. 416. [in Russian]

Putyata, 1884 – *Putyata D.V.* (1884). Ocherk ekspeditsii G.-Sh. kapitana Putyata v Pamir, Sarykol, Vakhani i Shugnan 1883 g. [Essay on the expedition G.-S. Captain Putyat to the Pamirs, Sarykol, Bakhan and Shugnan 1883]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. Vyp. Kh. SPb.: Voennaya tipografiya, pp. 1-88. [in Russian]

Radzhabov, Bobodzhanov, 1975 – *Radzhabov S., Bobodzhanov N.* (1975). Sovetskii Badakhshan v bratskoi sem'e narodov SSSR [Soviet Badakhshan in the fraternal family of the peoples of the USSR]. Dushanbe: Irfon, p. 36. [in Russian]

Ryapolov, 2017 – *Ryapolov V.* (2017). Turkestan v planakh Kaizerovskoi Germanii v nachale XX v. [Turkestan in the plans of Kaiser Germany in the early twentieth century.]. Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoi Rossii: neizvestnoe ob izvestnom. M.: Russkii impul's, pp. 88-93. [in Russian]

Serebrennikov, 1900 – *Serebrennikov A.* (1900). Ocherk Pamira [Essay on the Pamirs]. SPb.: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, p. 49.

Sergeev, 2012 – *Sergeev E.Yu.* (2012). Bol'shaya igra, 1856-1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [The Big Game, 1856-1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. M.: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, p. 463. [in Russian]

Severtsov, 1886 – *Severtsov N.A.* (1886). Orograficheskii ocherk Pamirskoi gornoj sistemy [Orographic essay of the Pamir mountain system]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, XX, pp. 17-20. [in Russian]

Shaw, 1871 – *Shaw R.* (1871). Visits to High Tartary, Yarkand, and Kashgar (Formerly Chinese Tartary), and Return Journey Over the Karakoram Pass. London: John Murray, Albemarle Street. 542 p.

Shorokhov i dr., 2015 – *Shorokhov V.A., Baranov D.A., Ovsyannikov D.V., Onatsko A.N.* (2015). Raznaya zemlya [Different land]. V. 4: U podnozhiya neba. SPb.: Slaviya, p. 226. [in Russian]

Skerskii, 1892 – Skerskii A.G. (1892). Kratkii ocherk Pamira Gen. Shtaba kapitana Skerskogo [A brief outline of the Pamirs written by Captain Skersky]. Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. L. SPb.: Voennaya tipografiya, pp. 14-40. [in Russian]

Skerskii, 2016 – Skerskii A.G. (2016). Raport nachal'nika Pamirskogo otryada voennomu gubernatoru Ferganskoi oblasti. 15 aprelya 1895 g. Post Pamirskii [Report of the head of the Pamir detachment to the military governor of the Ferghana region. April 15, 1895 Pamirsky Post]. Turkestan v imperskoi politike Rossii: Monografiya v dokumentakh / otv. Red. T. V. Kotyukova. M.: Kuchkovo pole, pp. 828-830. [in Russian]

Snesarev, 2015 – Snesarev A.E. (2015). Prilozhenie: Zapiska A. E. Snesareva «O Pamirakh» [Addition: Note by A. E. Snesarev “On the Tatars”]. Baskhanov M. K. «U vorot angliiskogo mogushchestva». A.E. Snesarev v Turkestanе, 1899–1904. SPb.: Nestor-Istoriya, p. 325. [in Russian]

«Tol'ko blagodarya Vashei pomoshchi...», 2006 – «Tol'ko blagodarya Vashei pomoshchi...» Pis'ma G.E. Grumm-Grzhimailo grafu S.D. Sheremetevu 1887-1889 gg. (2006) [Letters of G.E. Grumm-Grzhimailo Count S.D. Sheremetev 1887–1889]. Istoricheskii arkhiv. Nr. 2. pp. 179-190. [in Russian]

Umarov i dr., 2014 – Umarov Kh.U., Mukhabbatov Kh.M., Akobirov Sh.Z. (2014) Pyandzhskii transgranichnyi bassein: resursy i problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Pyanj transboundary basin: resources and problems of socio-economic development]. Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya. Nr. 6, pp. 101-109. [in Russian]

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 – Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Chislennost' naseleniya soyuznykh respublik SSSR i ikh territorial'nykh edinit po polu [All-Union Census of 1989. Population of the Union Republics of the USSR and their Territorial Units]. Demoskop Weekly. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (date of access: 15.04.2018). [in Russian]

Zaichenko, 1903 – Zaichenko Z.I. (1903). Pamiry i Sarykol. Ocherk vozniknoveniya, posledovatel'nogo razvitiya i sovremennogo polozheniya Pamirskogo voprosa [Pamirs and Sarykol. Essay on the emergence, consistent development and current status of the Pamir issue]. Tashkent: Tip. Shtaba Turkestan'skogo voennogo okruga, p. 119. [in Russian]

Zaitsev, 1903 – Zaitsev V.N. (1903) Pamirskaya strana – tsentr Turkeстана: Istoriko-geograficheskii ocherk (s kartoi) [Pamir country – the center of Turkestan: Historical and geographical outline (with map)]. Novyi Margelan: Tipografiya Ferganskogo oblastnogo pravleniya, p. 79. [in Russian]

Zakharchev, 2014 – Zakharchev N.A. (2014) Tainy Pamirskogo posta [Secrets of the Pamir post]. Ul'yanovsk: Master-Studiya, p. 176. [in Russian]

Последний рубеж империи: Восточный Памир в российской культуре пограничья

Владимир Андреевич Шорохов ^{a, *}, Артем Алексеевич Андреев ^a, Денис Геннадьевич Янченко ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных данных из не публиковавшихся ранее документов и рукописей Архива внешней политики Российской Федерации, Бахметевского архива Колумбийского университета США представлена наглядная характеристика роли Восточного Памира в культуре пограничья и стратегии России. Авторами охарактеризована деятельность Памирского отряда, с 1889 по 1917 гг. стоявшего на страже юго-восточных рубежей Российской империи, проанализирована мемуарная литература, ведомственная переписка, отчеты офицеров Генерального штаба, в разные годы служивших в уникальном подразделении. Документы раскрывают перед читателем загадочный образ «Крыши мира», который сформировался на рубеже позапрошлого и прошлого столетий на закате эпохи географических открытий и под влиянием территориальной экспансии России в центральной части Евразии. Начало научного изучения края совпало по времени с англо-русско-китайским разграничением в Центральной Азии – процессом, фактически растянувшимся более чем на двадцать лет. Особое внимание авторы уделили быту европейцев и местного населения в суровых условиях Восточного Памира, анализу отношений коренного населения с русскими военными, особенностям восприятия региона в поздний имперский период. В заключительном разделе статьи показано, каким образом система контроля границы и взаимодействия с аборигенами, использовавшаяся до 1917 г., была модернизирована в советский период и частично сохранилась на постсоветском пространстве. Авторами на основании широкого круга уникальных источников комплексно охарактеризовано историческое значение российского присутствия в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Памир, Памирский пост, субкультура, киргизы, Памирский отряд, Б.Л. Громбчевский, А.Е. Снесарев.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.shorohov@spbu.ru (В.А. Шорохов), a.a.andreev@spbu.ru (А.А. Андреев), d.yanchenko@spbu.ru (Д.Г. Янченко)